

ГЛАВА VIII. Система централизации и единства не допускает обеспечения труда и обмена. - Заговор свободной торговли

Система централизации и единства не допускает обеспечения труда и обмена. Каким образом политическая централизация и феодализм капитала восстают сообща против освобождения рабочего народа и развития среднего сословия. – Заговор свободной торговли.

I

Во второй части этого сочинения, гл. XIV, XV и XVI, мы показали и, затем, не раз уже повторяли, что политическая централизация находит самую сильную поддержку в меркантильной анархии, т. е. в отрицании всякого экономического права, всякой общественной гарантии, короче – всякой взаимности. Как правительственный унитаризм оказывается несовместным с вольностями 89 г., которые всегда обещаются на словах, а никогда не допускаются на деле, так он превосходно мирится с торгашескою спекуляцией, с анархией интересов и стачками монополистов. Экономисты, защитники этой системы, хорошо поняли, к чему может привести подобное общественное устройство, и с наслаждением мечтают о создании новой аристократии. Эксплуататоры масс, враги равенства и средних классов охотно предложили бы государю такой дележ: «Вам, сказали бы они, область политики, а нам царство интересов. Устраивайте, централизуйте свое правительство и поддерживайте в нем дисциплину; а нам уже предоставьте господство над материальными интересами: мы устроим их по-своему».

В оглавлении этой последней части стоят два слова: «политические несовместности». Употребив подобное выражение, я оставил бы его темным, если бы не доказал, что оно получает свой настоящий смысл в той промышленной эксплуатации, которую капиталисты без зазрения совести называют «свободой». И вот, желая доказать это, укажу теперь на две

великие победы нового феодализма: на свободу торговли и на свободу стачек.

Во время обсуждения торгового трактата, члены Оппозиции хранили упорное молчание; они утвердили его в тихомолку, вместе с консерваторами, против г. Пуйе-Кертъе и его сторонников. Она, эта храбрая Оппозиция, в глубине души убеждена, что, подписывая этот трактат, императорское правительство оказало стране великую услугу, и потому завидует его находчивости и завидует молча, избегая гласного одобрения. Оппозиционный депутат думает, что в подобных случаях не следует воздавать должной справедливости правительству, с которым приходится враждовать: поступать иначе значит изменять своему призванию. Так ведут себя эти нищие популярности; в этом – вся их политика!

Жаль, что император, не пускаясь еще по неизвестному и скользкому для него пути, не счел нужным обратиться к мыслящей Франции с вопросом о свободной торговле и не устроил публичного конкурса, с целью обсудить этот вопрос гласно, всенародно, на поучение стране и законодательному её собранию. Я охотно взялся бы сам за обсуждение подобного предмета и занялся бы им точно так же, как занимался в свое время изучением вопросов о налоге, о литературной собственности, о федеративном начале, о праве войны и о трактатах 1815 г. И мне думается, что не взирая на шарлатанство одних, предубеждения других и невежество почти всех, я успел бы, может быть, избавить страну от политического акта, который потомство оценит так же строго, как и все прежние действия правительств, вызванные тупоумием или ослеплением государственных людей.

Здесь было бы уже неуместно и даже невозможно развивать вопрос о свободе международной торговли во всей его полноте. Вот почему мне хочется теперь только выставить на вид тот любопытный и для многих неожиданный факт, что теория свободной торговли, во имя которой был составлен, обсужден и, наконец, подписан торговый наш договор с Англией – просто экономическая ложь, такая ложь, которую обнаруживают недавние правительственные известия. Я был бы рад, если бы высказанная мною мысль, которую не хотят до сих пор понять, как следует, была развита писателем более меня досужным и располагающим, кроме времени, всеми необходимыми материалами, цифрами, статистическими данными, политическими и философскими знаниями.

Из всех прав человека и гражданина, рабочие классы наиболее дорожат правом на труд или, говоря вернее, обеспечением труда; и это понятно, потому что таким правом обуславливается их существование и свобода. Но, знаете ли вы, работники, почему учредительное собрание 1848 г. отказало вам в этом обеспечении? По той простой причине, что для обеспечения труда рабочих необходимо предварительно обеспечить сбыт товаров самим хозяевам, на что никакое собрание, никакое унитарное правительство, враждебное взаимности, состоящее в союзе с меркантильным и анархическим феодализмом, положительно неспособно. Обеспечьте, говорю я вам, фабричной и торгующей буржуазии сбыт её товаров, и она обеспечит вам, в свою очередь, как работу, так и задельную плату: для буржуазии больше ничего не нужно. Иначе ваше право на труд – просто мечта, действие без причины, и правительство, которое решилось бы привести его в исполнение, от вашего имени, непременно бы погибло.

Первообраз этой двойной гарантии труда и обмена, одинаково выгодной как для буржуаза, так и для рабочего, заявляется в том, что политическая экономия называет торговым балансом или покровительственной системой, выраженной в учреждении таможен.

В республике, покровительство, оказываемое государством народному труду и торговле, есть контракт обеспечения, в силу которого граждане взаимно обещают друг другу покупать и продавать домашние произведения предпочтительно перед иностранными, когда цена тех и других одинакова. Это предпочтение не произвольное, а свойственное идее республиканского права, а тем более республиканского федеративного права. Без этого предпочтения, какая была бы польза называться членом республики? Что связывало бы гражданина с таким порядком вещей, в котором его труд, произведения его ремесла оскорбительно отвергались бы в пользу чужеземцев?

В государствах монархических, принцип, разумеется, совсем другой, хотя результат один и тот же: торговля и труд обеспечиваются самодержцем, императором, королем, главою политической семьи, естественным покровителем. До 1859 г., во все царствования, эта мысль была господствующей во Франции. Король, которому конституция дала право заключать союзные и торговые трактаты, знал, что, оказывая покровительство, назначая таможенные пошлины в пользу национальной промышленности, земледелия и торговли, он действует во имя всех интересов. Это была первая ступень экономического прогресса, краеугольный камень будущего обеспечения, будущей свободы и равенства.

Я знаю, что таможня – одно из самых неудобных учреждений; в ней укоренились вопиющие злоупотребления. Да где их нет! Сколько раз таможенные пошлины были только орудием монополиста, тайною самых наглых грабежей! Сколько раз покровительство труду и торговле обращалось в подспорье отсталой промышленности иди нелепых предприятий! Прежде чем обратить свободную торговлю в орудие грабежа, монополист долго пользовался таможенной системой: нам не приходится скрывать этого. Враги грозят нам со всех сторон и, не задумываясь, бросаются на всякую подлую уловку: вот почему так трудно разрешается экономическая задача. Я не думаю защищать таможню, в которой уже труд более не нуждается; я хочу только оправдать намерение и сказать, что уничтожение таможен – вовсе не последнее слово науки, как уверяют экономисты. Против клеветы людей заинтересованных я возражаю, что цель, первая мысль этого учреждения состояла в том, чтобы сблизить и связать производителей с купеческим сословием и, в заключение, обеспечить труд рабочего народа. Посмеют ли сказать составители торгового трактата, что они вовсе не заботились принимать во внимание этих соображений!

В стране, где взаимное обеспечение имело бы разумное применение, масса производителей и торговцев, само государство, все наконец граждане, поддерживая народное хозяйство, покупку и продажу своих произведений, пришли бы по необходимости к тому убеждению, что собственный их интерес требует установки дешевых цен, развития и улучшения производства и, следовательно, сокращения государственных расходов или налогов, издержек банковых, вексельных, коммиссионных и проч., которые составляют в современной Франции, по меньшей мере, 25% с настоящей цены годового производства страны.

Итак, обеспечение труда рабочим, обеспечение сбыта хозяевам, сокращение налогов, понижение процентов, получаемых в различных видах капиталом с производства и обращения товаров: вот что, с первого взгляда, выражает собою идея покровительственной системы; вот что лежит в основании таможи, этого гадкого учреждения.

Вот почему, когда экономисты, глашатаи свободной торговли, когда академики, профессора, государственные советники, журналисты, даже некоторые бывшие фабриканты, подстрекаемые англичанами Брайтом и Кобденом, предложили Наполеону III решить своей самодержавной властью вопрос народного интереса и права взаимности, вопрос, в котором император вздумал явиться судьей, то, играя роль отца и покровителя народа, он должен был сказать: «Как! У меня есть только одно средство добиться того обеспечения труда, которого республика не могла дать рабочим, и вы хотите, чтобы я отрекся от этого средства ради прославления вашей нелепой системы! Как! Для сокращения налогов, для укрощения ненасытной алчности казны у меня есть только одно средство – поддержать дешезвизну наших произведений, а вы хотите, чтобы я дал возможность возрасти бюджету и уничтожил промышленную и торговую солидарность между департаментами и общинами! В виду финансового феодализма, наконец, который господствует над правительством и держит всех нас в страхе, у нас есть также единственное средство – научиться обходиться без его услуг, подчиняясь спасительным началам взаимности: а вы толкуете о том, чтобы еще более усилить гнет капитала при содействии иностранных барышников! Но что же будет с нами, когда исчезнет всякая солидарность, когда народное хозяйство пропадет в анархии, когда собственник удвоит плату за наем своей собственности; когда рабочий потребует увеличения задельной платы; когда банкир возвысит свой учет; когда купец набьет цену на свои товары; когда я сам, император, буду принужден, наконец, увеличить жалованье чиновника и солдата?!.. Обеспечьте мне труд миллионов рабочих; обеспечьте мне справедливую плату за этот труд; обеспечьте мне легкость сбора налогов в два с половиною миллиарда; избавьте империю от этой аристократии, которая скоро поглотит нас всех, – и я согласен на то, что вы требуете. Я даю вам право распоряжаться судьбою всех отраслей промышленности и земледелием страны. Я согласен, – но только на несколько лет быть ответственным издателем вашей свободной торговли».

Не так рассудило императорское правительство. Правда, что среди его слуг и друзей не нашлось никого, кто высказал бы ему правду и рассеял густой мрак софистики. Побуждения зависти приняли за справедливость; во имя свободы не признали, отвергнули неперемное условие свободы и государства – экономическую солидарность; разорвали последнюю связь рабочего класса с буржуазией; расширили круг действия космополитического грабежа, бездомной спекуляции; отважились даже на такое дело, которого следовало особенно остерегаться, по тому что оно более всего угодно Англии. Вышло то, чего и надо было ожидать: бюджет все растет и растет, жизнь становится все дороже и труднее. Но правительство может сказать и сказать себе на славу, как уверяют его безрассудные советники, что отныне оно никому не покровительствует, ни работникам, ни хозяевам, ни народному труду, ни народной торговле, ни промышленности, ни земледелию, и даже не обеспечивает неприкосновенности государственных владений, потому что иностранным капиталистам, друзьям свободной торговли, дается полная возможность захватить лучшие земли. И обратно: всякий, сознавая теперь, что он должен рассчитывать только на себя и

заботиться о своем интересе, будет иметь право сказать, что ему бесполезно дорожить народной пользой. После этого, какое дело департаментам до судьбы Франции, которой они отныне ничем не обязаны? Одно из двух: или они будут вести конкуренцию с иностранцами собственными силами, и в таком случае всем будут обязаны только себе; или же они падут в этой борьбе, и тогда в праве будут обвинять в измене эту Францию, с которой их связала судьба.

Но в чем же состоит эта пресловутая теория свободной торговли, которая получила каким-то чудом во Франции, в царствование одного Бонапарта и к явной выгоде англичан, такое господство над экономическим порядком и главными интересами страны.

II

Проповедники свободной торговли, Кобден и Бастия утверждают следующее:

1. По принципу: всякая взаимность бесполезна; в ней не нуждаются ни производители и потребители, ни работники и хозяева, ни правила честных сделок и общественной нравственности, ни безопасность народа и государства. Система взаимных обеспечений, имея целью уничтожить опасные последствия конкуренции, монополиста, собственности, машинного производства, кредита, налога и проч., принесла бы, вместо пользы, даже гораздо более вреда, чем таможенная система; следовательно, лучше всего ничего не обещать, ничего не обеспечивать – ни труда, ни обмена, ни дешевизны, ни честности; следовательно, следует во чтобы то ни стало держаться простой, родной свободы и действовать в её интересах; нет права, справедливости, нравственности, короче – нет ничего, что могло бы сравняться со свободой, свободой анархической, свободой безусловной.

2. Что же касается последствий свободной торговли, как относительно труда рабочих, сбыта товаров, риска вновь заводимой отрасли промышленности, так и относительно вывоза звонкой монеты и финансовых кризисов, за которыми всегда неизбежно следуют кризисы торговые, – то теоретики свободной торговли утверждают, что все эти опасения неуместны, что в сущности товары меняются не на деньги, а на товары; что если из двух народов А и В, торгующих между собой, в настоящем году А должен приплатить известную сумму звонкою монетой, то в будущем году В должен будет возвратить эту сумму; что чем более в стране денег, тем более уменьшается их относительная ценность, как товара, тем более, вследствие этого, они сами стремятся перейти туда, где их мало, т. е. обменяться на товары; что таким образом восстанавливается равновесие и никто ничего не теряет; что наконец, так как не всякий климат способствует производству разного рода богатств, то для народа нет никакого расчёта производить дорого такие предметы, которые легко и дешево можно получить из других, благодатных стран.

Такова теория свободной торговли, приведенная к своему простейшему выражению и освобожденная от пустословия и нелепой декламации. Такова эта теория в действительности: в ней ни больше, ни меньше того, что я сказал, потому что, при малейшем намеке даже на необходимость социальной, народной гарантии, все учение о

свободной торговле теряет свой абсолютный смысл и обращается в явное противоречие.

Свободная торговля, даже без взаимности, – понимаете ли? Значит со всем неравенством, которое поддерживает между людьми рождение и богатство, капитал и нищета, образование и невежество. Я твердо убежден, разумеется, что, беседуя с Наполеоном III, гг. Брайт и Кобден не доводили своих рассуждений до основного принципа. Без взаимности! Такой принцип возмутил бы даже Наполеона III.

Я предупредил уже, что не буду вдаваться в подробный разбор теории свободной торговли. В настоящую минуту, цель моя совершенно иная. Приведа эту пресловутую теорию к её простейшему выражению, я укажу только на то, как и почему следует ее отрицать.

Софистика свободной торговли очень распространена в настоящее время; она господствует не только в политической экономии, но стремится проникнуть всюду, изгоняя из жизни принципы нравственности, права и даже искусства. Эта теория, радикально ложная, в сущности ничто иное, как та же самая известная и отпетая теория искусства для искусства, любви для любви, наслаждения для наслаждения, войны для войны, правительства для правительства и т. д., короче – все формулы, которые, отрицая нравственность, науку, право, законы логики, природы и разума, сводятся на нелепую фразу: свобода для свободы.

Нет, говорю я, Свобода не может сама по себе заменить законов Совести и Науки; другими словами: Истина, Разум, Обязанность и Право не разрешаются в Свободе, как в основном принципе. Разумность совсем не то, что Свобода; любовь и искусство тоже не Свобода; общество и справедливость тем более не то, что Свобода. Ни один из этих принципов, необходимых для социального порядка, не заключается в Свободе, хотя и все в ней нуждаются. Вот почему мало сказать, что торговля, труд, кредит или собственность должны быть только свободны: от этого они не станут еще справедливыми. Как член общества, я желаю и требую Свободы; но она меня не вполне удовлетворяет. В экономических отношениях с моими ближними, кроме одной Свободы, я требую Истины, Взаимности и Права, точно так же, как в Искусстве требую вкуса и здравого смысла, в Промышленности – пользы, в Науке – точности и метода. Но вот этих самых условий, без которых для меня немыслима ни Свобода, ни Искусство, ни Философия, ни Наука, вот этих условий именно и нет в свободной торговле.

Если философия и нравственность доказывают a priori всю ложь принципа свободной торговли, то и самые факты, в свою очередь, подтверждают эту ложь.

Неправда, что всякий народ должен отказаться от такой промышленности, которая дает ему мало выгод, и заняться другим, более прибыльным производством. Неправда тут очевидна, потому что людям пришлось бы отказаться от трех четвертей человеческого труда. Основание и средства всякого производства заключаются в почве; но почвы бывают различной плодородности и, притом, если земля уже разделена, то, во имя политической и социальной солидарности, более счастливые земледельцы должны каким-нибудь образом покровительствовать менее счастливым и уравнивать свои отношения.

С другой стороны, неправда, что различие в климате и почве может современем изгладиться при помощи капиталов, труда и гения, как уверяют проповедники безусловной свободы торговли, ожидающие всех благ от развития международной конкуренции. Причины богатства изменчивы; промышленность изменяется в свою очередь, и само общество, по своей прихоти и минутным увлечениям, постоянно влияет на рынок и на самое производство. Сегодня выгоды обмена на одной стороне, а завтра – на другой: обращать такое непостоянство, такую борьбу в закон международных сношений и сделок не значит ли требовать конкуренции для конкуренции, обмена для обмена, и, взамен всеобщего обеспечения, укоренять космополитический ажиотаж?!

Неправда, что золото и серебро в монете, как ложно и подложно уверяют экономисты, имеют такое же отношение к рынку, как всякий другой товар, так что вывоз звонкой монеты не наносит стране никакого ущерба. Нет, говорю я, неправда! Взгляните, что делается: на наших глазах, в течение уже шести месяцев, разыгрывается финансовый кризис, такой кризис, который поднял учетный процент с шести на восемь и обратился, наконец, в кризис торговый и промышленный.

Слушайте, экономисты: неправда даже и то, что торговые выгоды одинаковы в случае совершенной взаимности, т. е. в том случае, когда торговый баланс равно благоприятен обеим сторонам; надо иметь в виду разницу как ценности полезной, которую дает сама природа, так и ценности меновой, созданной трудом и заключающейся в продуктах.

Неправда, наконец, – и это отрицание вытекает из предыдущих, – что народу, на стороне которого был бы постоянный перевес в торговле, все шло бы на пользу и обогащение: торговым балансом воспользуются купцы и богачи-фабриканты; что же касается массы рабочих, то они ничего не выиграют; их по прежнему будут эксплуатировать и грабить.

Вот те главные положения, которые я хотел бы развить во всей подробности, с целью обличить ложь и шарлатанство защитников свободной торговли; к сожалению, здесь для этого нет места. Да и к чему бы это послужило? Довольно будет и того, если, на основании собственных признаний виновников торгового трактата и объяснений самого правительства, я докажу, что теория свободной торговли – экономическая ложь.

Когда, в последнее заседание законодательного корпуса, г. Пуйе-Кертье явился со своей критикой торгового договора и, опираясь на массу цифр, показал громадность дефицита и доказал каким образом в этом договоре все выгоды были на стороне Англии, а невыгоды на стороне Франции; когда он выставил на вид, что с увеличением привоза во Франции все более и более падал труд, уменьшалась задельная плата рабочих и положение их становилось со дня на день все хуже и хуже, – когда все это рассказал и доказал г. Пуйе-Кертье, – лица членов собрания невольно вытянулись и все зашевелились на местах своих. Что ожидало правительственную непогрешимость, если бы положение дел, разоблаченное г. Пуйе-Кертье, продержалось еще года два?... Тут не приходилось уже смеяться над старым предрассудком, т. е. над торговым балансом. Тут было уже неуместно издеваться над великим Кольбером, основателем французской промышленности и торговли, творцем всего великолепия Людовика XIV, и называть его жалким министром за то, что он первый стал покровительствовать народной промышленности. Тут нельзя было шутить и на

счет непомерного вывоза за границу звонкой монеты. И что могли возразить руанскому депутату? Кто решился сказать ему, что отсутствие взаимности, которое обнаруживается поминутно на практике договора свободной торговли вовсе не беда; что взаимность ничто, а свобода все; что превосходство основного принципа торгового договора в том именно и состоит, что он не требует от договаривающихся сторон никакой взаимности?... Далее, входя в подробности, кто осмелился заметить г. Пуйе-Кертье, что он напрасно беспокоится о вывозе звонкой монеты, потому что ее следует считать простым товаром, который в заграничной торговле обменивается только на другие товары без всякого ущерба для продавцов и покупателей? Кто стал доказывать ему, что вывезенные деньги рано или поздно возвратятся непременно, даже и в том случае, когда за них придется отдать в залог или совсем уступить иностранцам наши земли, по примеру Италии? Кто вздумал, наконец, возразить ему, что нельзя жаловаться на дурное состояние французского флота, потому что такое состояние для нас несравненно выгоднее: оно доказывает, что, при дороговизне перевозки на французских кораблях, Англия охотно возьмется за это дело и сделается не только нашею слугою, но и данницею?!

О нет! Ни у одного из депутатов законодательного собрания не повернулся язык сделать хоть одно из подобных возражений, которые приводят в своих сочинениях проповедники свободной торговли. Да, в палате никто не решился повторять нелепых возражений, придуманных экономистами, потому что каждый знал, что это возбудило бы общее негодование. И вот, вместо всякого прямого возражения, ораторы пытались только смягчить и ослабить то мрачное и тяжелое впечатление, которое произвел г. Пуйе-Кертье на всю палату; они старались только указать на ошибки некоторых его вычислений и, осуждая сами торговую деятельность с 1859 по 1862 г., предсказывали французской торговле блестящую будущность!...

Итак, в этом споре по поводу торгового договора, в этом споре, в котором шло дело не только о самой практике торговли, но и о теории свободной торговли, – защитники этой теории вовсе не думали опираться на её основные принципы; напротив того: для защиты её они прямо пользовались доводами меркантилистов и о будущем её развитии говорили, как будто дело шло о результатах таможенной системы! Эти защитники говорили, что Франция, как держава промышленная, не имеет соперников; что ей стоит только захотеть – и в труде она будет блистать точно так же, как блистает на войне; что она сама не сомневается в громадности своих средств; что главный её недостаток заключается в недоверии к своему гению; что если в начале дела она кажется слабой, то скоро потом заявляет свое превосходство; что поэтому не следует никогда осуждать заранее правительство, которое берется за дело народного развития, и не следует обвинять тем более, что впоследствии придется благодарить правительство за его мудрость и благодеяния свободной торговли....

Выслушав такое оправдание торгового договора с Англией, депутаты-патриоты могли спросить в палате: «Кого здесь надувают? Как! Мы считаем себя связанными с Англией договором свободной торговли – и рассуждаем о ней, как будто вопрос идет о покровительственной системе! Как? Тому, кто упрекает правительство за нарушение торгового баланса страны, тому, кто доказывает, что мы в убытке на двести или на триста миллионов, тому говорят: Терпение! – будет и на вашей улице праздник!»... Но о чем говорить! Разве наши пустомели-депутаты что-нибудь смыслят в экономических вопросах? –

Эти господа умеют только мутить воду, в которой ловят рыбу другие, искусные ловцы. Этим господам, великим политикам, хочется чесать язык, когда подымается вопрос о принципе национальностей; об этом вопросе они станут охотно рассуждать по три часа сряду, не переводя духа. Но национальный труд, национальная промышленность, национальное обеспечение, – словом все, что составляет самую сущность национальности, – все это для них материализм, эгоизм, шовинизм и больше ничего. О да, Французская пресса и трибуна – просто клад для Англии! Ораторы Оппозиции стоят на одном уровне умственного развития с журнальными писаками; пусть же они все лучше убираются в Англию: там, конечно, их примут, как друзей и братьев.

Англия и Бельгия доказали своим примером, что если вывозная торговля и промышленность составляют для шайки капиталистов и барышников источник громадного и быстрого обогащения, то она обращается в тоже время для рабочих масс в причину безвыходной нищеты и неискоренимого рабства.

Еще несколько слов об этом предмете, – и я кончаю.

Свободная торговля, точно так же, как свободный труд, свободная конкуренция и множество других вещей, которые в моде теперь величать свободными, может пониматься в двояком смысле. Одно из двух: или дело идет о свободе торговли со всеми её обеспечениями, какие требуются экономическим правом, а именно – честностью, взаимностью и равенством, – то в этом случае, очевидно, что свобода торговых сделок окажется на практике добросовестною, полезною, плодотворною и вполне безупречною; считаю лишним говорить, что в этом смысле я могу тоже назваться проповедником свободной торговли. Или же наоборот: если под свободною торговлею понимать, вместе с экономистами английской школы, необузданное своеволие всякого рода сделок, без малейшего признания права, взаимности, равенства и безопасности: в таком случае не менее очевидно, что подобное торгашество, основанное на плутне, обмане и явной недобросовестности, – ничто иное как подлог и западня; вот почему всякий экономист, если он только дорожит своею честью и благом своей родины, должен с негодованием отрицать такую свободу торговли.

Явления своевольной торговли или торговли анархической, не признающей никаких обеспечений, должны рассматриваться с двух различных точек зрения: 1) смотря по тому – будут ли товары, которыми обмениваются две нации, находиться в неравных количествах, т. е. будет ли одна сторона, которая вывозит меньше, чем получает, принуждена оплачивать разницу между привозом и вывозом наличными деньгами; или 2) смотря по тому – будут ли товары меняться на товары в равных количествах, т. е. сохранится ли торговый баланс и ни одной нации не придется отдавать звонкой монеты.

Первый из этих случаев, т. е. тот случай, когда при неравенстве обмена товаров на товары, приходится вывозить деньги, до сих пор был единственным, на который обращали внимание экономисты и депутаты законодательного собрания. Как противники, так и защитники

торговых договоров, все депутаты и министры, государственные люди и экономисты одинаково понимали, каких опасных последствий может ожидать Франция в случае постоянного нарушения баланса внешней торговли. Кризис финансовый, денежный, вынужденная закупка драгоценных металлов, отдача в залог иностранцам государственных земель – еще не все последствия, каких можно ожидать от подобного нарушения. Вот почему, в виду тех возмутительных фактов, которые обнаружил г. Пуйе-Кертье, ложь свободной торговли не могла устоять, и все софизмы были забыты; спокойствие настало не раньше той минуты, когда, указывая на статистические и официальные данные, стали громко говорить: успокойтесь, потому что в этом году, для уравнивания торгового баланса, нам заплатят 255 миллионов звонкою монетой. Ни мудрость властей, ни критика буржуазов больше этого ничего не смыслят в вопросе заграничной торговли.

Кто говорит о свободной торговле в том смысле, в каком понимает ее анархическая школа экономистов, тот непременно и в том же самом смысле говорит о свободной конкуренции: эти два выражения могут приниматься за синонимы. Этого еще мало: по закону аналогии и по неизбежности последствий, в силу того же самого отрицательного определения свободы, за свободной торговлей и за свободной конкуренцией следуют: свободная промышленность, свободный кредит, свободная собственность, свободная ипотека и т. д. Все эти виды свободы выражаются одной формулой под названием свободной политической экономии, т. е. экономии беззаконной, отрицающей взаимность и права общества.

Нам известны хорошие и пагубные явления вольного соперничества в торговых сношениях между народами; мы видели, и сама история ежедневно подтверждает, что это соперничество, выражаясь нарушением торгового баланса, разрешается неизбежным вывозом нескольких сот миллионов звонкой монеты, постоянными займами, насильственным отчуждением государственных земель, и влечет за собою порабощение, обнищание и потерю народной независимости. Не говоря уже о других странах, укажу только на Францию, где главными банкирскими делами занимаются преимущественно иностранцы – англичане, голландцы, бельгийцы, немцы, швейцарцы, жида и пр.; где лучшие наши земли в Турени, Бургундии, возле Бордо, и все самые дорогие виноградники находятся точно также в руках иноплеменников. Скоро может быть настанет пора, когда Французский народ, все рабочее и среднее сословие, обратится в толпу наемников и арендаторов, работающих на чужие карманы и желудки.

Действительно: точно так же, как свободная торговля или свободная конкуренция неизбежно предполагает и вызывает вольную промышленность, вольный кредит, вольное лихоимство, вольную монополию, вольную собственность, – одинаковым образом и капитальная торговля (*le grand commerce*) и капитальная конкуренция, заведенная во славу вольной международной торговли вызывает, в свою очередь, – капитальную промышленность, капитальные банкирские предприятия, капитально-чудовищные анонимные компании, капитально-лихвенные барыши, капитальную спекуляцию, капитально-феодалную собственность, короче все те вопиющие мерзости экономического мира, которые выражаются теперь в стачке феодалов и монополистов капитала, промышленности, денежной спекуляции и собственности.

Вот несколько цифр, вот несколько простых вычислений, которые дадут вам разгадку тайны этого ужасающего общественного переворота, предвиденного уже более двадцати пяти лет тому назад.

При каких условиях страна может прокормить наибольшее число жителей, давая им наибольшее благосостояние? Знаете ли это вы, добродушные наемники, которым никогда не придется владеть даже клочком земли? Знаете ли это вы, которые рукоплещете при словах: свободная торговля и национальность? Думали ли вы даже когда-нибудь об этом вопросе?

Отвечать на заданный вопрос, впрочем, очень легко и стоит только повторить его, чтобы ответ представился сам собой. И так, я повторяю: при каких условиях страна может прокормить наибольшее число жителей, давая всем наибольшее благосостояние? И отвечаю: при тех условиях, когда все пользуются плодами своего труда, когда богатства и состояния возможно более уравниваются и когда каждый работает.

Я уверен, что ни один экономист, даже ни один аристократ не станет сомневаться в истине этого ответа. Теперь следите за моим рассуждением.

Современная Франция имеет 54 миллиона гектаров земли.

Из числа этих 54 миллионов гектаров, приблизительно находится:

Пахатных земель 27,000,000 гект.
Виноградников, садов и огородов 2,777,000
Лугов 4,834,000
Полей для разного посева 1,000,000
Пустошей, пастбищ 7,800,000
Рощь и лесов 8,500,000
Рек, озер, прудов, каналов и пр. 213,800

Семейство крестьян-собственников, работающее своими руками и состоящее из четырех или пяти человек, может жить безбедно, если владеет собственностью, которая включает в себе:

Пахатных земель 3 гект. » ар.
Садов и огородов » 30 ар
Лугов » 54
Полей для разного посева » 12
Лесов, пустошей, выгонов и пр. » 96
Всего 4 гект. 92 ара.

Говоря проще, каждое семейство крестьян, состоящее из 4 или 5 человек, может просуществовать без нужды, владея 5 гектарами земли. Занимаясь её обработкой, оно будет иметь возможность не только уплачивать государственные подати, но даже иметь избыток продуктов, на которые может покупать разные произведения промышленности, необходимые для земледельческого хозяйства и домашнего обихода. Расход на все эти

покупки, вместе с податью, положим будет равняться одной трети общего годового расхода на все потребности.

При таком расчёте, мы находим, что население Франции, наделенное землей и занятое работою, может состоять из 9 миллионов земледельческих семейств, что будет равняться населению до 40 миллионов человек. Прибавляя к этому числу еще одну треть населения, занятого фабричным, заводским и ремесленным делом, а также чиновников, солдат и пр., т. е. около 13,500,000, – все население Франции дойдет до 53,500,000. Многие полагают даже, что Франция может легко прокормить вдвое более этого числа жителей.

Но сколько, в настоящее время, не достаёт жителей во Франции, чтобы население её достигло этой цифры? – Почти 16 миллионов.

Отчего же происходит такой недостаток? Он происходит, как я сказал уже, оттого, что состояния и богатства крайне неравны, множество людей вовсе не работает или занимается трудом непроизводительным. Другими словами: причина недостаточного населения кроется в развитии капитальной конкуренции, капитальной промышленности, капитальной спекуляции и капитально-феодалной собственности. Это развитие делается на счет среднего и рабочего сословий и стремится охватить собою всю Европу, весь мир, наконец, путем свободной торговли.

Я представил сейчас расчёт, по которому семейство крестьянина, в числе четырех или пяти человек, может существовать безбедно и, кроме уплаты податей, пользоваться разными произведениями промышленности в том случае, когда владеет пятью гектарами (десятинами) земли. Этого количества земли, частью пахатной, а частью негодной для обработки, однако далеко недостаточно для такого семейства, которое живет арендой и, следовательно, само не работает. Например, во Франш-Конте, в провинции, не одной из лучших, но и не из худших, чистый поземельный доход с одного гектара пахатной земли бывает обыкновенно около 50 франков: отсюда видно, что для семейства мелкого сельского буржуаза, который хочет получать 5,000 франков годового дохода, необходимо, по крайней мере, до 100 гектаров удобной земли, не считая пастбищных выгонов и пр., то есть необходимо в тридцать раз более того, что достаточно семейству рабочего крестьянина!... Сообразите это демократы, поклонники свободной торговли! Сообразите еще раз, что собственность, потребная для семейства буржуаза, живущего хотя и скромно, но не работою, а доходами, относится к собственности работника-крестьянина, как 30:1. Остальное – кому придется.

Это еще не все: крупному землевладельцу необходимо, например, разводить парки, аллеи, оранжереи, вырывать пруды, – короче, ему необходимо увеличивать мертвое пространство: в этом выражается его роскошь. Нередко такой самодур расходует на глупую страсть уничтожать почву гораздо более, чем целый округ на устройство и поддержание путей сообщения.

По данным статистики можно считать, что количество всякого мяса, рыбы, дичи, которое потребляется во Франции, составляет до 900 миллионов килограммов, то есть по 22 1/2 кг в год на человека или по 62 гр в сутки. Цены на мясо бывают различны, смотря по качеству и

вырезке кусков – от 1,20 фр. до 3,60 фр. за килограмм говядины, от 0,90 до 2,20 фр. за баранину и телятину, и от 1,40 до 1,60 фр. за свинину. Предполагая даже, что, в будущем порядке взаимного обеспечения и равенства, общее количество ежегодного потребления мяса не увеличится, то 62 грамма или пол ливра в сутки на крестьянское семейство все-таки лучше, чем ничего: этого количества мяса достанет, по крайней мере, на то, чтобы иметь подобие супа и не хлебать горячую воду. Но не то делается теперь во Франции, где точно так же, как в Англии, Фландрии и Голландии, всякий имеющий средства покупать мясо, потребляет его в большом количестве: таким образом, считая даже, что во Франции потребляют мясо 12 миллионов чел., окажется, что от мясной пищи воздерживаются более 25 миллионов.

По вычислениям видно, что во Франции ежегодно выделяется до 30,000,000 гектолитров вина. Из этого числа, 5 или 6 миллионов обращаются в водку и почти такое же количество вывозится за границу. Таким образом, для всedневногo потребления остается только 20,000,000 гектолитров, т. е. 50 литров в год на человека, или говоря лучше по стаканчику в день на человека. Вот почему каждый, выпивающий в день более одного стаканчика заставляет другого воздерживаться от вина.

Здесь я считаю нелишним представить приблизительный счет ежедневного расхода парижского рабочего на свой обед:

Хлеб » франк 30 сантим.
Суп » франк 15
Мясо и зелень » франк 50
Вино (четверть литра) » франк 20
Кофе » франк 10
Итого 1 франк 25 сантим.

Составим теперь расчёт – во что обойдется стол, разумеется не миллионера, а просто достаточного и скромного буржуаза:

Завтрак: кофе, котлетка или бифштекс. 1 фр. 50 с.
Обед: Хлеб » фр. 20
Суп » фр. 50
Мясо, рыба, дичь 1 фр. 50
Зелень или салат » фр. 75
Десерт » фр. 50
Вино 1 –
Кофе, ликеры » фр. 80
Итого 6 фр. 75 с.

И так, как мы видим, одному человеку вовсе не тяжело есть за пятерых: все дело в том, чтобы платить. Но теперь нас занимает вовсе не этот, а другой вопрос: существует ли какая-нибудь экономическая независимость между этим неравенством отношений и свободной торговлей? Всякий, кто мало-мальски рассуждает и не забыл того, о чем мы говорили на предыдущих страницах, согласится вполне со следующим выводом, который я

выражу в нескольких словах:

в обществе, основанном на истинно-демократических началах, в обществе, где, вследствие гражданского и политического равенства, заявляется неудержимое стремление к уравниванию богатств, представляется только одно средство поддержать тунеядство и неравенство наслаждений; это средство заключается в том, чтобы связать вместе: 1) централизацию; 2) налоги (см. выше гл. I); 3) государственные долги; 4) крупную монополию (анонимные компании железных дорог, горных заводов, газового освещения и пр., должность маклеров и пр.); 5) несолидарность или экономическую анархию; 6) свободу лихоимства и 7) свободу внешней торговли.

На деле оказывается, что для удобного, я не говорю роскошного, проживания 250,000 семейств, т. е. одного миллиона человек из числа 40,000,000 жителей, приходится взимать из суммы общего потребления страны 2 миллиарда, 500,000,000, считая только по 10,000 фр. на семейство. Так как поземельный доход невелик, потому что он дает едва ли более 50 франков чистого барыша на десятину, то является необходимость организовать огромную феодальную, меркантильно промышленную систему и за тем завести множество доходных должностей на государственной и общественной службе, уменьшить запашки, с целью увеличить сбор овса и фуража для разведения рогатого скота, потому что количество мяса было бы очень недостаточно, если бы оставить посевы в прежних размерах; за тем необходимо восстановить крупную собственность, роскошное владение, где было бы довольно места для великолепия и забавы тунеядцев; наконец следует уменьшить размножение народонаселения для избежания опасности от развития нищеты.

В этой организации нового феодализма, свободная торговля играет большую роль. Благодаря ей, анархическая конкуренция в международных сношениях достигает своего высшего предела; мелкая промышленность окончательно поглощается и уничтожается; населения мелких поземельных собственников исподволь обращаются в толпу наемников; средний класс вовсе исчезает и рабочий класс становится покорною, обузданною массою чернорабочих рабов; – и все это достигается тем вернее и неизбежнее, что удары, которые наносятся народу, совершенно неотразимы, кажутся ему решением самой судьбы. Да, благодаря обаянию слова «свобода», которым так ловко умеют пользоваться, рабочий народ увлекается в бездну ужасной нищеты.

Таким образом, сама необходимость вещей ведет современное французское общество к такому отчаянному состоянию, которое можно изобразить в форме следующего договора:

1) Крупные монополисты собственники, капиталисты, фабриканты и заводчики, купцы, ростовщики, банкиры, высшие государственные чины вступают в тайный заговор и в стачку против разрозненной толпы мелких собственников, промышленников, ремесленников, земледельцев и вообще против всех рабочих, поденщиков и наемников, которые путем политического и гражданского равенства в силу экономического права и договора взаимности, стремятся или должны, по крайней мере, стремиться к уравниванию состояний и богатств, то есть к уничтожению упомянутых крупных собственников, капиталистов и проч.

2) Вследствие того, что самый многочисленный и бедный класс земледельцев и рабочих желает обеспечить свой труд и стремится улучшить свое положение по принципу взаимности, – монополисты следуют противному принципу несолидарности и свободы торговли.

3) Для достижения этой цели, заговорщики принимают самые решительные меры против образования не только рабочих товариществ, но и всех мелких промышленных обществ, которые добиваются самостоятельного существования; чтобы предупредить их соперничество и скорее и вернее поглотить и уничтожить всякую независимую мелкую промышленность, они поддерживают временно такие биржевые и рыночные цены, которые заставляют разоряться и банкротиться мелких фабрикантов, ремесленников, мастеров и всех вообще самостоятельных производителей.

4) Приводя в исполнение эту меру, сообщники распределяют и разделяют все торговые и промышленные занятия по своему соображению и расчёту, в видах монополии. Часть земель, которая возделывается руками бедных, но свободных поселян, исподволь отходит в собственность крупных владетелей и если не отличается особенным плодородием, то обращается в искусственный луг, или простой выгон, или на ней разводится парк, роща, лес. При этом, монополисты стараются задерживать размножение населения всеми средствами, какие дает им организация промышленного феодализма и практика свободной торговли.

5) Устранив все препятствия и одержав решительную победу, заговорщики составляют новую экономическую конституцию. В силу этой конституции определяются раз и навсегда все права, отношения и обязанности, а также цены продуктов и услуг, чем и будет положен конец революциям.

Что будет, то будет! Пусть власти и представители торговой, промышленной и денежной аристократии не сознаются в заговоре против рабочего народа: я не обвиняю их за это. Но повторяю снова, что представители нынешней экономической чепухи далеко не сознают её логики и не подозревают, куда она ведет их. Отличительная черта современного высшего сословия, как я уже говорил прежде (II часть, гл. IX), – отрицание принципов, полнейшее отсутствие самосознания или, выражаясь вернее, понимания тех идей, в силу которых она действует, и малодушная привычка жить только настоящим, следуя поговорке: на наш век хватит!

В заключение этой главы мне остается еще сказать несколько слов о том, как должны были вести себя демократы, противники свободной торговли, в виду торгового трактата.

По конституции 1852 г., главе государства дается право заключать торговые договоры. Конституция 1848 г. также утвердила это верховное право. Таким образом, Наполеон III, подписав договор 1860 г., был совершенно прав легально. Хотя г. Пуйе-Кертье и критиковал трактат с Англией, но не осмелился, однако, требовать его отмены: в речи своей он ограничился робкими замечаниями правительству и умолял его остановиться на пути к безусловной свободе торговли, пока еще есть время.

Но что могли бы сказать мы, демократы-проповедники взаимности? Без сомнения, многие из нас были бы довольны, если бы нашему радикальному и основательному мнению удалось заявить себя с трибуны и правительство узнало бы от нас: 1) что торговый договор, заключенный с Англией, нарушает закон взаимности, закон основной и неотменимый в демократии и социальной экономии; 2) что правительственная власть, объясняя по-своему императорское право, исказила смысл конституции; 3) что не одному только государю, а всему народу, в общих собраниях и торговых палатах, следует обсуждать и определять условия экономических сношений с иностранными государствами; 4) что с 89 года нельзя признавать за государем самодержавной власти распоряжаться делами торговли, промышленности, собственности, ценности и заработной платы; наконец 5) что в поведении правительства заключается противоречие, потому что, провозгласив принцип свободной торговли при заключении торгового трактата, оно усиливалось оправдать этот трактат аргументами, заимствованными у покровительственной системы; что, следовательно, требовали отмены договора.

Но заметьте, что такое заявление принципов, если бы оно даже не было признано несостоятельным при самом начале, неизбежно было бы признано, наконец, несовместным с существующей политико-экономической системой. В самом деле, разве здесь не все гармонически связано, не все идет нога в ногу: централизация и экономическая анархия, громадные бюджеты и громадные монополии, свобода лихоимства и свобода торговли?... Окончив свою речь, представителю Демократии и принципа взаимности оставалось бы только подать в отставку; стоило-ли же хлопотать о кандидатуре и принимать присягу?...

Версия #3

Зверобой создал 23 марта 2025 09:18:28

Зверобой обновил 11 июня 2025 15:33:11